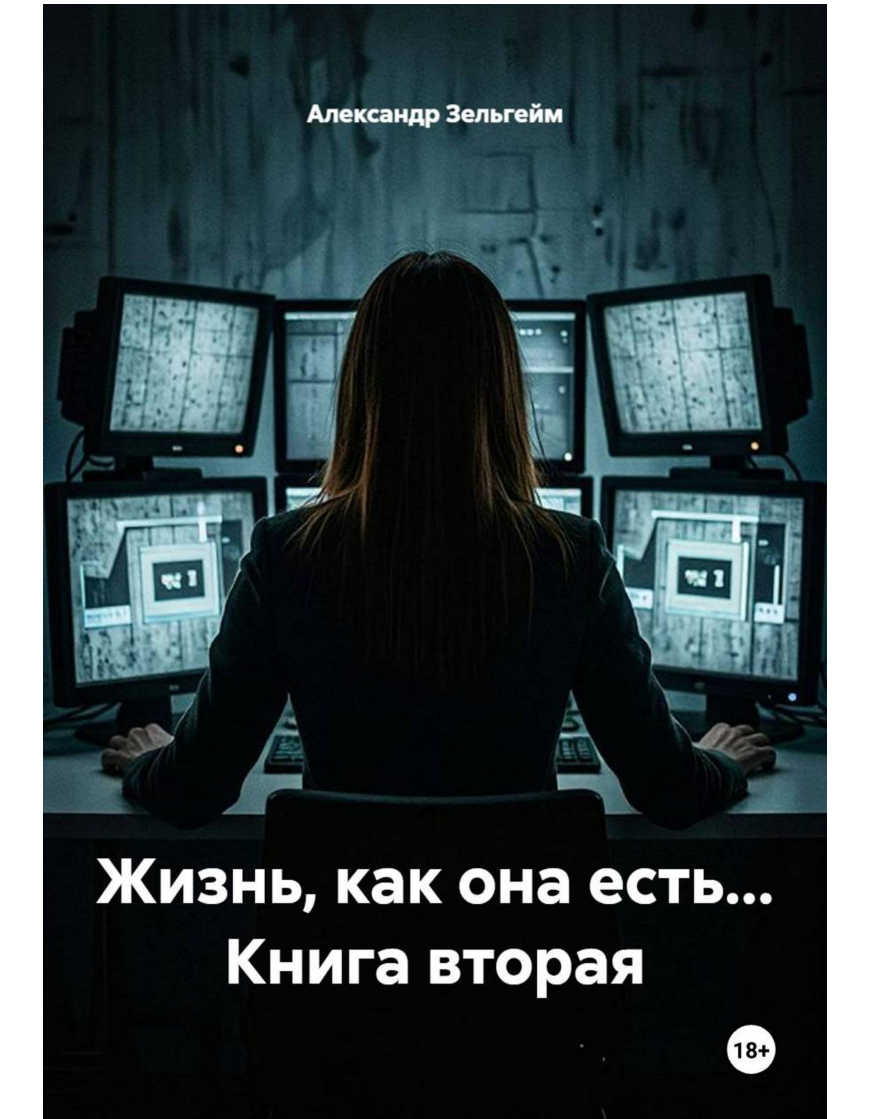

A person with long, straight brown hair is seen from behind, sitting at a desk in a dark room. They are looking at several computer monitors. The monitors display various images, including what appears to be a grid or map. The person is wearing a dark jacket. The overall atmosphere is mysterious and technological.

Александр Зельгейм

Жизнь, как она есть...
Книга вторая

18+

Александр Зельгейм

Жизнь, как она есть... Книга вторая

<https://litres.ru/74501002>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если первая часть была о системах — корпоративных, цифровых, бюрократических, то вторая — о людях, которые в этих системах живут. И выживают. И остаются людьми.

Семь рассказов. Семь судеб. Учительница, которая каждый день смотрит в двадцать восемь экранов и видит только серую стену. Друзья, один из которых стал директором, а другой — грузчиком, и оба несчастны по-своему. Пенсионер, который ищет свой станок, чтобы найти себя. Волонтёр, которая хочет помочь, но вынуждена заполнять KPI. Ветераны, которые помнят всё — и которых забыли все. Врачи скорой, которые спасают других, чтобы не сойти с ума самим. Спасатели, которые вытаскивают из огня детей, но не могут вытащить себя из пустоты.

Это не сатира. Хотя сатира здесь есть. Это не трагедия. Хотя трагедия здесь есть. Это — жизнь. Такая, какая она есть. Без прикрас. Без утешений. Но с надеждой. Потому что даже в самой серой стене есть трещина. И в эту трещину пробивается свет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Зельгейм

Жизнь, как она есть... Книга вторая

Глава

«Всё, что вы прочитали раньше, было присказкой. Настоящая жизнь — здесь. Не в офисах. Не в зеркалах. Не в бюрократии. А в людях. Которые работают. Которые дружат. Которые стареют. Которые помогают. Которые воюют. Которые спасают. Семь рассказов. Семь судеб. Одна жизнь. Которая — как она есть.»

1. Учитель

Её звали Нина Павловна. Пятьдесят восемь лет. Тридцать пять из них — в школе. Двадцать — в этой самой. Кабинет номер двенадцать. Второй этаж. Окна на север. Солнце никогда не заглядывает. Только серый свет.

Она приходит в семь сорок. Всегда. Ключ заедает. Она дёргает. Дверь поддаётся. Пахнет мокрой тряпкой и мелом. Она ставит сумку на стол. Садится. Открывает ноутбук. Электронный дневник. Вводит пароль. Дважды. С первого

раза не работает. Система.

Звонок. Она встаёт. Идёт к двери. Открывает.

Двадцать восемь человек. Двадцать восемь экранов. Светятся. Как окна в другие миры. Где её нет.

Она говорит:

— Здравствуйте, ребята.

Никто не смотрит. Она говорит громче:

— Здравствуйте.

Поднимается голова. Одна. У Никиты. Он на задней парте. В наушниках. Один вынимает. Медленно. Как будто делает одолжение.

— Ась?

— Здравствуйте, — говорит она.

— А. Здрасьте, Нина Павловна. — Он не смотрит. Он смотрит в телефон. — Можно я сяду?

— Ты уже сидишь.

— А. Ну да. — Он снова в телефон. Пальцы быстро-быстро. Как паук.

Она стоит. Смотрит. На них. На двадцать восемь экранов. И думает: «Я — функция. Я — дневник. Я — норма. Я — не человек. А они — дети. Которые не видят. Потому что норма. Потому что экран. Потому что».

Она говорит:

— Уберите телефоны.

Никто не убирает. Она говорит:

— Уберите телефоны.

Убирают. Медленно. Как будто делают одолжение.

Она начинает урок. Тема: «Война и мир». Толстой. Четыре тома. Которые никто не читал.

— Сегодня мы поговорим о войне.

Никита поднимает голову:

— О какой?

— О войне 1812 года.

— А. Это где Наполеон? — Он жуёт жвачку. Лениво. Как корова.

— Да. Где Наполеон.

— А мы его победили?

— Да. Победили.

— Круто. — И снова в телефон.

Она смотрит на него. Долго. Потом говорит:

— Никита.

— Ась?

— Ты читал?

— Что?

— «Войну и мир».

— Нет. — Он даже не поднимает головы.

— Почему?

— А зачем? Есть же краткое содержание. — Он пожимает плечами. Как будто это очевидно. Как будто она — дура. Которая не знает про краткое содержание.

— Краткое содержание — это не книга.

— А что книга? — Он наконец поднимает голову. Смотрит.

рит. С интересом. Как на экспонат.

— Книга — это. Это. Это.

Она не знает, что сказать. Потому что книга — это жизнь. Которая — как она есть. А жизнь — это не краткое содержание.

С задней парты тянет руку Света. Красивая. Умная. Которая могла бы. Но не хочет.

— Нина Павловна. — Голос с вызовом. Как будто она на митинге.

— Можно.

— А зачем нам это? Ну, «Война и мир». Мы же не будем воевать.

— Ты не будешь. А кто-то будет.

— Кто?

— Ты не знаешь.

— А вы знаете? — Она прищуривается. Как будто ловит на слове.

— Нет. Но я помню.

— Что?

— Что кто-то воевал. За тебя. Чтобы ты могла спрашивать. Зачем.

Света замолкает. Смотрит. Долго. Потом отворачивается. К окну. Нина Павловна видит, как она сжимает ручку. Пальцы белые. Но ничего не говорит.

С первой парты поднимает руку Даша. Тихая. Несмелая. Как будто извиняется. За то, что она есть.

— Нина Павловна.

— Да, Даша.

— А можно... — Она замолкает. Смотрит в парту. Как будто там ответ. — Нет. Ничего.

— Скажи.

— Можно я... — Она краснеет. Пятнами. От шеи к щекам. Как будто ей жарко. — Можно я прочитаю? Не краткое. Настоящее.

— Можно.

— А если не пойму?

— Поймёшь. Не всё. Но что-то.

— А что?

— Что ты — не одна. Что кто-то. До тебя. Чувствовал. То же самое.

Даша кивает. Записывает. В тетрадь. Не в телефон. В тетрадь. Ручкой. Синей. Нина Павловна видит. И что-то. Что-то. Тёплое. Поднимается. В груди.

Она идёт к доске. Берёт мел. Мел холодный. Шершавый. Пишет: «Война и мир». Класс. Тишина. Только скрип. И телефоны. Которые вибрируют.

— Телефоны, — говорит она.

— У нас вибро, — говорит Света. С задней парты. Не оборачиваясь. Как будто говорит стене.

— Убери, Света.

— У нас вибро.

— Убери.

Она убирает. Резко. Как будто злится.

Она объясняет. Про Кутузова. Про Бородино. Про то, как люди умирали. За что? За Родину. За свободу. Никита поднимает голову:

— Нина Павловна.

— Что?

— А сейчас война есть?

— Есть.

— Где?

— Везде.

— А мы?

— Что — мы?

— Мы — воюем? — Он смотрит. Серьёзно. Без жвачки. Без телефона. Впервые.

— Кто — мы?

— Ну. Мы. Россия.

Она молчит. Долго. Потом говорит:

— Россия — это не мы. Россия — это. Это. Это.

— А кто?

— Россия — это те, кто помнит.

— А мы помним?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Никто.

— А почему?

— Потому что норма.

— Какая норма?

— Норма — это когда не помнишь. А когда не помнишь

— это функция. А функция — это я.

Никита смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Вы странная, Нина Павловна.

— Я — учитель.

— Это одно и то же?

— Нет.

— А что?

— Учитель — это функция. А я — человек. Который помнит. Но не может. Потому что норма. Потому что дневник. Потому что.

Он не понимает. Она не понимает. Никто не понимает.
Звонок.

— Урок окончен. Домашнее задание: прочитать главу.

Никита:

— Какую?

— Двадцать первую.

— А сколько страниц?

— Двадцать.

— Это много.

— Это мало.

— Почему?

— Потому что книга — это не страницы. Книга — это жизнь. А жизнь — это не двадцать страниц.

Он не слушает. Он уже в телефоне. Она стоит. Смотрит.

На двадцать восемь экранов. Которые уходят.

Она садится за стол. Открывает ноутбук. Дневник. Электронный. Вводит пароль. Дважды. Она заполняет. Оценки. Посещаемость. Тему. Домашнее задание. Примечания. Она ставит тройки. Всем. Кроме Никиты. Ему — четвёрку. Потому что он ответил. А ответ — это отклонение. А отклонение — это четвёрка. А четвёрка — это не норма. Но это — правильно. Она сохраняет. Выходит. Из системы.

Дома. Кухня. Пахнет вчерашним супом. Муж. Виктор. Сидит. Смотрит телевизор. Там — новости. Он не оборачивается.

— Как дела? — спрашивает он. В телевизор.

— Нормально.

— Что-то случилось?

— Нет.

— Ты странная.

— Я устала.

— Отдохни.

— Не могу.

— Почему?

— Дневник.

— Какой?

— Электронный.

— А.

— Ага.

Он переключает канал. Она стоит. В дверях. Смотрит на

его затылок. Седой. Раньше был чёрный. Когда они познакомились. В институте. Он был весёлый. Смеялся. Громко. На всю аудиторию. Она тоже смеялась. Теперь — не смеётся.

— Витя.

— Что?

— Ты когда-нибудь думал. Что можно. Не так?

— Как? — Он наконец оборачивается. Смотрит. Как будто впервые видит. Как будто она — не жена. А кто-то. Чужой.

— Не знаю. По-другому. Без дневника. Без нормы. Без.

— Без чего?

— Без всего этого. — Она обводит рукой кухню. Стены. Часы. Телевизор.

— Без нас?

— Ну. Тебя. Меня. Дневника.

Он молчит. Долго. Потом говорит:

— Думал.

— И что?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что поздно.

— Поздно — это когда умер. А ты — живой.

— Я — функция.

— Нет. Ты — Витя. Который в институте. Смеялся. Громко. На всю аудиторию. Помнишь?

Он молчит. Потом улыбается. Впервые за день. Морщинами. Глазами. Не губами.

— Помню.

— Вот. Он — там. Внутри. Найди его.

— Как?

— Не знаю. Просто. Не сдавайся.

Он отворачивается. Снова в телевизор. Она смотрит на его затылок. Долго. Потом говорит:

— Витя.

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За то. Что помнишь.

Она идёт в комнату. Открывает шкаф. На задней полке — старая тетрадь. Пыльная. Она достаёт. Тетрадь шершавая. Обложка мягкая. От времени. Она открывает. На первой странице — кривой почерк. Мальчик. Андрей. Двадцать лет назад. Он писал стихи. Плохие. Но писал.

«Я не умею. Но я пишу. Потому что не могу не писать».

Она читает. Шёпотом. Как молитву. Страницы пахнут пылью и чем-то ещё. Чем-то старым. Чем-то забытым.

«Если бы я был деревом. Я бы рос. Вверх. К свету. Но я — не дерево. Я — мальчик. Который пишет. Плохие стихи. Потому что не умеет. Иначе».

Она закрывает тетрадь. Кладёт на стол. Смотрит в стену. Стена серая.

Она думает: «Я сказала ему: "Это плохо". Он сказал: "Я знаю. Но я пишу". Я сказала: "Зачем?" Он сказал: "Потому

что не могу не писать". Я сказала: "Это не профессия". Он сказал: "Это жизнь". Я сказала: "Это норма". Он сказал: "Это не норма. Это я"».

Она встаёт. Берёт ручку. Пишет на последней странице: «Андрей. Прости. Ты был прав. Это — жизнь. Не норма».

Она закрывает тетрадь. Кладёт обратно. Но не за другие. На первую. Чтобы видеть. Чтобы помнить.

Утро. Она идёт в школу. Входит в класс. Дети сидят. Смотрят в телефоны.

— Здравствуйте.

Никто не смотрит.

— Здравствуйте.

Никита поднимает голову:

— Ась?

— Здравствуйте.

— Здрасьте, Нина Павловна.

И снова в телефон.

Она идёт к доске. Берёт мел. Смотрит на класс. На них. На детей. На телефоны. На норму. Она думает. О том, что она может. Сказать. Что-то. Не по норме. По правде. Она открывает рот. Она хочет сказать. Она говорит:

— Дети.

Они смотрят. Она говорит:

— Я хочу сказать.

Они смотрят. Она говорит:

— Я.

Они смотрят. Она говорит:

— Я вас.

Они смотрят. Она говорит:

— Я вас вижу.

Они молчат. Она говорит:

— Я вас вижу.

Никита:

— Ась?

— Я вас вижу.

— Ага.

И снова в телефон.

Она стоит. С мелом. У доски. Смотрит. На них. На детей.

Которые не слышат. Она говорит:

— Я вас вижу.

Тихо. Никто не слышит. Она говорит:

— Я вас вижу.

Ещё тише. Никто.

Она кладёт мел. Садится за стол. Открывает ноутбук.

Дневник. Электронный. Вводит пароль. Дважды.

Она сидит. Смотрит в стену. Стена серая.

Звонок. Она встаёт. Идёт. На следующий урок. В тот же класс.

— Здравствуйте.

Никто не смотрит.

— Здравствуйте.

Поднимается голова. Одна. У Даши.

— Ась?

— Здравствуйте, Даша.

— Здравсьте. — Она смотрит. Не в телефон. На неё. —

Нина Павловна.

— Что?

— А можно. Вопрос?

— Можно.

— А вы. — Она мнётся. — Вы нас. Видите?

Нина Павловна молчит. Долго. Потом говорит:

— Вижу.

— А почему. Молчите?

— Потому что боялась.

— Чего?

— Что не услышите.

— А сейчас?

— Сейчас. — Она улыбается. Тихо. Морщинками. —

Сейчас — нет.

Даша кивает. Берёт телефон. Не убирает в карман. Кладёт на парту. Экраном вниз. Рядом с тетрадью. Открывает тетрадь. Не телефон. Тетрадь. И начинает писать.

Потому что кто-то. Наконец. Увидел.

2. Друзья

Они дружили двадцать лет. С института. С первой сессии. С первой бутылки пива в общежитии. Они были не разлей вода.

Они были братья. Не по крови. По жизни. По всему.

Их звали Серёга и Мишка.

Серёга был отличник. Мишка — троечник. Серёга шёл в аспирантуру. Мишка — в армию. Серёга стал менеджером. Мишка — грузчиком. Серёга купил квартиру. Мишка снимал. Серёга женился на дочери начальника. Мишка женился на медсестре. Серёга ездил на «БМВ». Мишка — на «Жигулях». Серёга пил коньяк. Мишка — пиво. Серёга говорил: «Всё будет». Мишка говорил: «Всё есть». Серёга смеялся. Мишка улыбался. Они встречались. Раз в год. На Новый год.

Серёга позвонил в двенадцать. Ночью. Я спал. Телефон вибрировал на тумбочке. Я взял. Сказал:

— Алло.

— Мишка. Это я. — Голос хриплый. Как будто он курил. Или плакал. Или и то и другое.

— Серёга? Ты чего не спишь?

— Не могу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда зачем звонишь?

— Поговорить. — Пауза. Долгая. — О жизни.

— Ночью? — Я сел. На кровати. В темноте. Жена спала. Рядом. Сын спал. В другой комнате. Кот спал на подоконнике. Все спали. Кроме меня. И Серёги.

— А когда?

— Ну. Говори.

— Я устал, Мишка. — Он сказал это тихо. Как будто стыдился. Как будто это было признание.

— Все устали.

— Нет. Я — устал. По-настоящему. — Пауза. — Я не могу больше.

— Что не можешь?

— Всё. Вставать. Ехать. Сидеть. Улыбаться. Говорить. Делать вид.

— Какой вид?

— Что я — счастлив. — Он усмехнулся. Горько. Как будто у него во рту пепел.

— А ты — не счастлив?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я — директор.

— И что?

— А то. Что директор — это не человек. Это функция. — Он выдохнул. Долго. — Которая выполняется. Корректно.

— А ты хочешь быть человеком?

— Да.

— Тогда будь.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что ипотека. Потому что семья. Потому что норма.

— Какая норма? — Я уже не спал. Я сидел. В темноте.

Слушал. Как он дышит. Тяжело. Как будто ему не хватало воздуха.

— Норма — это когда ты — директор. А не человек. А если ты — человек, то ты — никто. А если ты — никто, то ты — не нужен. — Он замолчал. Потом сказал. Тихо. Как будто себе. — А если ты — не нужен, то зачем?

Я молчал. Долго. Потом сказал:

— Серёга.

— Что?

— Ты помнишь, как мы в институте?

— Помню.

— Как мы на речку ходили?

— Помню.

— Как ты удочку сломал? И рсудил? Как сапожник?

Он засмеялся. Тихо. Но засмеялся. Впервые за разговор.

— Помню. Ты меня тогда на себе тащил. Через лес. Я ногу подвернул.

— Ага. И ты мне всю шею исцарапал.

— Я не специально.

— Знаю. — Я улыбнулся. В темноте. Никто не видел. —

Серёга.

— Что?

— Я хочу вернуться.

— Куда?

— Туда. В институт. Где не было нормы. Где не было функции. Где не было.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что время — это не река. Это — дорога. В одну сторону. — Я сказал это. И сам удивился. Как это вышло. — И назад — нельзя. Только вперёд. Или вниз. Или в стену.

— В стену?

— В стену. Как все. Как я. Как ты.

— Я не хочу в стену. — Он сказал это. Как ребёнок. Который боится темноты.

— А куда ты хочешь?

— Не знаю. Просто — не в стену.

— Тогда — живи.

— Я живу.

— Нет. Ты — существуешь. — Я сказал это. И понял. Что это правда. — А жить — это когда больно. А тебе — не больно. Тебе — никак. А никак — это смерть.

Он замолчал. Долго. Я слышал, как он дышит. Как будто ему не хватало воздуха. Потом он сказал:

— Мишка.

— Что?

— Ты — счастлив?

Я задумался. Долго. Потом сказал:

— Не знаю.

— А кто знает?

— Никто.

— А почему?

— Потому что счастье — это не норма. Это — отклонение. — Я говорил. И сам не знал. Откуда эти слова. — А отклонение — это отчёт. А отчёт — это функция. А функция — это я.

— Мишка.

— Что?

— Я приеду.

— Когда?

— Завтра. — Пауза. — Утром.

— Зачем?

— Поговорить.

— О чём?

— О жизни.

— Ночью?

— Днём.

— А работа?

— К чёрту работу.

— А ипотека?

— К чёрту ипотеку.

— А норма?

— К чёрту норму. — Он выдохнул. Как будто сбросил. Что-то. Тяжёлое. — Я приеду.

— Приезжай.

— Жди.

— Жду.

Он положил трубку. Я сидел. В темноте. Смотрел в стену.

Стена была серая. Как моя жизнь. Как его жизнь.

Он приехал. Утром. Я открыл. Он стоял. В костюме. С галстуком. С портфелем. С улыбкой. Как директор. Но глаза были. Как у мальчика. Который боится. Который не знает.

— Привет, — сказал он. Голос бодрый. Слишком бодрый. Как будто он репетировал.

— Привет.

— Пустишь?

— Заходи.

Он зашёл. Снял ботинки. Аккуратно. Поставил. Рядом. Повесил пиджак. На гвоздь. Сел. На стул. На кухне. Я сварил чай. Мы пили. Молчали.

На кухню вошла Наташа. Жена. В халате. Сонная. Увидела Серёгу. Остановилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.